

Юлий Айхенвальд

# Иван Бунин



Юлий Айхенвальд

**Иван Бунин**

«Public Domain»

1910

## **Айхенвальд Ю. И.**

Иван Бунин / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain», 1910 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-13364-8

«На фоне русского модернизма поэзия Бунина выделяется как хорошее старое. Она продолжает вечную пушкинскую традицию и в своих чистых и строгих очертаниях дает образец благородства и простоты. Счастливно-старомодный и правовеерный, автор не нуждается в „свободном стихе“; он чувствует себя привольно, ему не тесно во всех этих ямбах и хореях, которые нам отказало доброе старое время. Он принял наследство. Он не заботится о новых формах, так как еще далеко не исчерпано прежнее, и для поэзии вовсе не ценны именно последние слова. И дорого в Бунине то, что он — только поэт. Он не теоретизирует, не причисляет себя сам ни к какой школе, нет у него теории словесности: он просто пишет прекрасные стихи. И пишет их тогда, когда у него есть что сказать и когда сказать хочется. За его стихотворениями чувствуется еще нечто другое, нечто большее: он сам. У него есть за стихами, за душой...»

ISBN 978-5-457-13364-8

© Айхенвальд Ю. И., 1910

© Public Domain, 1910

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| I. Его стихотворения              | 5  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 12 |

# Юлий Исаевич Айхенвальд Иван Бунин

## I. Его стихотворения

На фоне русского модернизма поэзия Бунина выделяется как хорошее старое. Она продолжает вечную пушкинскую традицию и в своих чистых и строгих очертаниях дает образец благородства и простоты. Счастливо-старомодный и правоверный, автор не нуждается в «свободном стихе»; он чувствует себя привольно, ему не тесно во всех этих ямбах и хорях, которые нам отказало доброе старое время. Он принял наследство. Он не заботится о новых формах, так как еще далеко не исчерпано прежнее, и для поэзии вовсе не ценны именно последние слова. И дорого в Бунине то, что он – только поэт. Он не теоретизирует, не причисляет себя сам ни к какой школе, нет у него теории словесности: он просто пишет прекрасные стихи. И пишет их тогда, когда у него есть что сказать и когда сказать хочется. За его стихотворениями чувствуется еще нечто другое, нечто большее: он сам. У него есть за стихами, за душой.

Его строки – испытанного старинного чекана; его почерк – самый четкий в современной литературе; его рисунок – сжатый и сосредоточенный. Бунин черпает из невозмущенного Кастальского ключа. И с внутренней и с внешней стороны его лучшие стихи как раз вовремя уклоняются от прозы (иногда он уклониться не успевает); скорее он прозу делает поэтичной, скорее он ее побеждает и претворяет в стихи, чем творит стихи, как нечто от нее отличное и особое. У него стих как бы потерял свою самостоятельность, свою оторванность от обыденной речи, но через это не опошвился. Бунин часто ломает свою строку посередине, кончает предложение там, где не кончился стих; но зато в результате возникает нечто естественное и живое, и нерасторжимая цельность нашего слова не приносится в жертву версификации. Не в осуждение, а в большую похвалу ему надо сказать, что даже рифмованные стихи его, производят впечатление белых: так не кичится он рифмою, хотя и владеет ею смело и своеобразно, – только не она центр красоты в его художестве. Читая Бунина, мы убеждаемся, как много поэзии в нашей прозе и как обыкновенное сродни высокому. Из житейской будничности он извлекает красоту и умеет находить новые признаки старых предметов.

Он рассказывает себе поэзию своей жизни, ее микроскопию, ее отдельные настроения. Проникнутый духом честности, он не испытывает страха перед прозой, ложного стыда перед нею, и для него так нормально сравнить крылья скользящих чаек с белой яичной скорлупою, или назвать тучи лохматыми, или с помощью солнца в золото превратить грубую заплату ветряка. Поэтизируя факты, он не боится старых, но не стареющих ценностей мира, не стесняется петь то, на чем останавливались уже многие взоры, что воспевали уже многие чужие уста. Весна, ручей, восход, полдень, настойчивые песни соловьев, голуби, звезды его любимые, февраль, апрель, «золотой иконостас заката» – все это продолжает его вдохновлять, все это, казалось бы, исчерпанное его предшественниками на разных концах земли, дождалось его, существует и для него, свежее и светлое, не ослабленное в своей первозданной чистоте. Правда, это же свойство Бунина делает более слабые из его стихотворений слишком бесспорными и прирожденно-хрестоматическими.

Поэт сдержанный, он не навязывает природе своих душевных состояний, он любит? ее за нее самое: ведь это совсем не обязательно, чтобы она непременно и всегда соответствовала чему-нибудь человеческому. Бунин не хочет сказать больше, чем есть: у него, правдивого, слова отвечают явлениям, и оттого ему веришь, в нем не сомневаешься. Бережный и

целомудренный, классик жизни, он не выдумывает, не сочиняет и не вносит себя туда, где можно обойтись и без него. Когда он говорит о себе, то это является внутренней необходимостью, и слово ему принадлежит по праву.

Своего лиризма он не расточает понапрасну; вообще, он не словоохотлив. Нещедрыми словами рассказав о чем-нибудь важном или случайном, о том, что было в природе или в комнатах усадьбы, строгим очерком незаменимых линий передав какую-нибудь восточную легенду или притчу, он этим самым неизбежно и как бы не по собственной воле пробуждает у нас известное впечатление, теплое движение сердца.

Он рисует факты, а из них уже сама, органически, рождается красота. И можно ее назвать белой, потому что это – его любимый цвет; эпитеты «белый, серебряный, серебристый» часто слышатся на его светлых страницах. Не только на окне его, «серебряном от инея, точно хризантемы расцвели», но и вообще его типичные стихотворения словно подернуты инеем, и они иногда вызывают представление как раз о тех пленительных узорах, которые выводит на стекле наш русский пейзажист-мороз, и они звенят иногда, как хрустальные подвески той люстры, о которой не раз поминает Бунин в своих стихах.

У него – поэзия спокойная, без исключительности, без событий. У него – жизнь медленная и матовая. Сердце его уже стало «трезвей и холодней», и его тронули уже первые заморозки жизни. Он порою сам напоминает «сон-цветок» своего стихотворения: «он – живой, но сухой». Это сочетание жизненности и сухости в результате приводит Бунина к стихии серьезной и вдумчивой. Не горит и не жжет его поэзия, нет в ней пафоса, но зато присуща ей сила искренности и правды. Так характерно для него, что ему пришлось ответить своей возлюбленной только «сдержанный поклон», между тем как страстно хотел он к ней «хоть раз, только раз прильнуть всем сердцем, в этот ранний, в этот сладкий час». У него есть великое и трудное самообладание; но это не равнодушие к любви – напротив, он упоенно ждет ее и знает, как она страшна, и жутка, и требовательна в самом счастье своем:

О, будут, будут жуткие мгновенья!  
И свежест влажных кос, и сладость юных уст  
Я буду, буду пить! Живу надеждой страстной  
Всю душу взять твою – и все отдать тебе!

Общая успокоенность, светлая осень, когда рассыпается не только «чертог из янтаря», но и самая жизнь, и с застывшей печалью в лице приходит к фонтану девушка, влача по листьям спущенную шаль, и убегают дни, которым «ничего не жаль», – этот осенний дух бунинской поэзии как-то не позволяет говорить о том, какие чувства в ней преобладают, что по преимуществу движет ее уверенную, но замедленную поступь. В этой поэзии, как и в осени, вообще нет преобладания.

Он согласен чистому образу новобрачной петь эпиграму, только еще более украшенную и углубленную сближением свадьбы и смерти:

Восприми же в час урочный  
Юной жизни торжество!  
Будь любимой, непорочной:  
Близок мертвый час полночный,  
Близок сон и мрак его.  
Сохрани убор венчальный,  
Сохрани цветы твои:  
В жизни краткой и печальной  
Светит только безначальный,

### Непорочный свет любви!

Но в то же время, таинство брака склоняя перед высшим таинством любви, он торжествует свою незаконную победу:

Ты чужая, но любишь,  
Любишь только меня.  
Ты меня не забудешь  
До последнего дня.  
Ты покорно и скромно  
Шла за ним от венца,  
Но лицо ты склонила  
Он не видел лица...

Он поет и бурную любовь, и ласковую тишину ее, и в одном и том же стихотворении горит и страсть и слышно тихое веяние братской нежности:

В поздний час мы были с нею в поле.  
Я дрожа касался нежных губ.  
«Я хочу объятия до боли,  
Будь со мной безжалостен и груб».  
У томясь, она просила нежно:  
«Убаюкай, дай мне отдохнуть!  
Не целуй так крепко и мятежно,  
Положи мне голову на грудь».  
Звезды тихо искрились над нами,  
Тонко пахло свежестью росы.  
Ласково касался я устами  
До горячих щек и до косы.  
И она забылась. Раз проснулась,  
Как дитя вздохнула в полусне,  
Но, взглянувши, слабо улыбнулась  
И опять прижалась ко мне.  
Ночь царила долго в темном поле.  
Долго милый сон я охранял...  
А потом на золотом престоле,  
На востоке тихо засиял  
Новый день, – в полях прохладно стало  
Я ее тихонько разбудил  
И в степи, сверкающей и алой,  
По росе до дому проводил.

В виду все той же осенней ослабленности и успокоенности немолодого сердца нельзя сказать, чтобы автор даже природу патетически любил; он ее попросту замечает, поэтически констатирует ее великий факт, и со своей палитры берет для нее верные краски и оттенки: «день прохладный и пустой», розовеющий пепел небосклона, солнечные палаты бора – и даже сон воспоминания, его даль, для него синее. Он – высокий мастер пейзажа, изобразитель природы. Как много зелени у него, дыхания русской деревни, как много полей, ржи, сенокоса; какие сладкие пары несутся от его хлебных нив! Хотя он сам (как-то вяло и про-

заически) говорит, что «не пейзаж его влечет, не краски жадный взор подметит, а то, что в этих красках светит – любовь и радость бытия», но это – только неудачный комментарий к собственному художественному тексту, необязательная для нас выноска к поэтической странице. На самом деле он больше всего привержен именно к пейзажу, и благодарна ему осень, что он – несравненный поэт листопада, когда

Лес, точно терем расписной,  
Лиловый, золотой, багряный,  
Веселой, пестрою стеной  
Стоит над светлою поляной.

Бунину не следует отрекаться от этой мощи своей, как живописца, потому что ею он нисколько не ослабляет своей и чужой настроенности. Тем больше его заслуга, что, как мы уже сказали, он себя природе не навязывает, и все-таки невольно, от прикосновения его осторожной и безошибочной кисти, обнаруживается естественная связь между явлением пейзажа и душою поэта, между бесстрастной жизнью природы и сердцем человеческим. И вот звезда похожа на проснувшегося ребенка:

И как ребенок после сна,  
Дрожит звезда в огне денницы,  
А ветер дует ей в ресницы,  
Чтоб не закрыла их она.

Или:

Над озером, над заводью лесной —  
Нарядная зеленая береза. —  
«О, девушки! Как холодно весной!  
Я вся дрожу от ветра и мороза», —

в родственном сближении обращается природа к заступничеству людей, всех этих девушек, как и береза, берегущих свои «зеленые ленты».

Или, в протяжных напевах вальса, для той, чьи «похолодели лепестки раскрытых губ»,

Сиянье люстр и зыбь зеркал  
Слились в один мираж хрустальный —  
И веет, веет ветер бальный  
Теплом душистых опахал.

И первая любовь так сочетается с этим воспоминанием о дожде, который промчался, «стеклянный, редкий и ядреный»:

Едва лишь добежим до чащи,  
Все стихнет... О, росистый куст!  
О, взор, счастливый и блестящий,  
И холодок покорных уст!

Теперь замедленное сердце поэта скупое на умиление – тем дороже, когда последнее все-таки возникает в благодатной неизбежности своей и растопляет всякий лед, всякое отчуждение. И вот мы читаем:

В лесу, в горе – родник живой и звонкий,  
Над родником – старинный голубец  
С лубочной почерневшею иконкой,  
А в роднике – березовый корец.  
Я не люблю, о Русь, твоей несмелой  
Тысячелетней, рабской нищеты.  
Но этот крест, но этот ковшик белый...  
Смиранные, родимые черты!..

«Я не люблю»... Но здесь разве можно не полюбить? У Бунина чувство не спешит, зато оно глубоко, когда приходит, когда люди или природа наконец вырвут его, созревшее, из труднопроницаемой груди.

Преобладания нет в его поэзии, но «сон-цветок», но желтый донник засухи, но листопады в природе и в жизни не могут породить колорита грусти – и вот они накладывают на его стихотворения дымку сдержанной, благородной меланхолии. Он тогда грустит, когда нельзя уже не грустить, когда без спора законны все эти чувства. Кто-то разлюбил его, кто-то покинул, и не от кого ждать депеш...

Скоро Троицын день, скоро песни, венки и покосы...  
Все цветет и поет, молодые надежды тая...  
О, весенние зори и теплые майские росы!  
О, далекая юность моя!

Но он счастлив тем, радостно ему от того, что он еще может вспоминать о дали, тосковать по юной весне своей: ведь приходит пора, та последняя пора, когда уже и не жалеешь об утраченной молодости, – последняя, равнодушная старость...

«Улыбнись мне», обмани меня, просит он уходящую женщину; и она, может быть, даст ему «ласку прощанья» и все-таки уйдет, и он останется один. Не будет отчаянья, не будет самоубийства – только осень делается еще пустыннее:

И мне больно глядеть одному  
В предвечернюю серую тьму.  
.....  
Что ж! Камин затоплю, буду пить,  
Хорошо бы собаку купить.

И может быть, самая неразделенность любви уже ослабляет муку одиночества. Главное – любить самому, желать этой убегающей прелестной Веснянки. И с другой стороны, чтобы зародилась грусть, вовсе не нужна какая-нибудь личная катастрофа: довольно и того, что жизнь в самом процессе своем – нечто оскудевающее, какое-то неодолимое запустение. «Эта горница была когда-то нашей детской», а теперь нет уже мамы, нет ели, посаженной отцом, и теперь никто уже не отзовется на «безумную тоску» взрослого, слишком взрослого; и весь дом, вся покинутая и осиротевшая усадьба представляют собою разоренное гнездо, и ей самой невыносимо слушать, как мертвый маятник в долгие осенние ночи поет ей свою гнетущую отходную. Дворянское гнездо, тургеневское начало, которого так много в стихо-

творениях Бунина, отдало им всю поэзию своего элегизма – поэзию опустелой комнаты, грустящего балкона, одинокой залы, где своеобразно отражается природа, играя на ее старых половицах лучами своего нестареющего солнца, рисуя на полу свои «палевые квадраты». И болью воспоминания, романтикой сердца звучит нечаянный дрожащий аккорд старого клавирина – «на этот лад, исполненный печали, когда-то наши бабушки певали»... В ответ на все эти стихи Бунина о жизни иссякающей, о старых дагеротипах, ничье сердце не может не забиться горестным созвучием. Ибо все мы теряем свои звезды или их отражения в земной воде:

Ту звезду, что качалась в темной воде  
Под кривую ракушкой в заглушенном саду, —  
Огонек, до рассвета мерцавший в пруду,  
Я теперь в небесах никогда не найду.

А там, где момент одиночества изображен не в этом красивом освещении заката, там стучится в душу отчаяние, безнадежность, черная скорбь, – и нельзя без волнения читать «Кустарник», про эту выюгу, которая нас «занесет равнодушно, как стог, как забытый овчарник». И зачем, зачем, изнемогая от жажды, бродит далеко от родного Загреба хорват со своей обезьянкой, зачем сидит цыганская девочка-подросток у дороги, около дремлющего отца? А ведь «много таких печальных детств зачем-то расцветало и расцветет не раз еще в безлюдии степных полей»:

Спи под кибиткой, девочка!  
Проснешься – Буди отца больного, запрягай —  
И снова в путь... А для чего, – кто скажет?  
Жизнь, как могила в поле, молчалива.

И «на пустынном, на великом погосте жизни мировой», на этом погосте, к которому вообще часто возвращается поэзия автора, выюга смерти загашает звезды, бьет в колокола и «развеивает саван свой». Впрочем, и смерть изображает Бунин не столько в ее трагическом облике, сколько в ее тишине, навевающей на человека примирение и печаль. Служат грустные панихиды, «погребальным вздохом» наполняют кладбища, и больно, больно – но перед неизбежностью умолкает ропот на устах, и в молитвенном смирении склоняешь ты свои колени, и в самой грусти своей находишь отраду.

Ограда, крест, зеленая могила,  
Роса, простор и тишина полей. —  
Благоухай, звенящее кадило,  
Дыханием рубиновых углей!  
Сегодня год. Последние напевы,  
Последний вздох, последний фимиам. —  
Цветите, зрейте, новые посевы,  
Для новых жатв! Придет черед и вам.

Необычайно сильное впечатление производят и следующие стихи о смерти, поэтическая панихида:

## Берег

За окном весна сияет новая.  
А в избе – последняя твоя  
Восковая свечка и тесовая  
Длинная ладья.  
Причесали, нарядили, справили,  
Полотном закрыли бледный лик —  
И ушли, до времени оставили  
Твой немой двойник.  
У него ни имени, ни отчества,  
Ни друзей, ни дома, ни родни;  
Тихи гробового одиночества  
Роковые дни.  
Да пребудет в мире, да покоится  
В лоне неземного бытия!  
В беспредельно синем море скроется  
Белая ладья.

Здесь неотразимо трогательно простое и торжественное сближение избы и космоса, смерти крестьянина и общего бытия. В длинной ладье гроба, усталый пахарь, утомленный пловец, достиг он своего берега, нашего общего берега, – и теперь он больше не существует, и в сиротстве смерти нет у него ни имени, ни отчества, ни дома, ни родни, – последнее и великое Ничто! Но его, это Ничто, восприняло в свое лоно мировое Все, и сокрылась его белая ладья в синем море мира, да пребудет же он в мире, да покоится в лоне неземного бытия! – когда читаешь эти бунинские стихи, эту молитву, провожающую из жизни в смерть, хочется перекреститься...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.